

ДИЛАН ХАРБИ

1000 КЛЯТВ

ЭКСПОНАТ НОЛЬ

ТЫ ДАЛ КЛЯТВУ. ТЫ ЗАБЫЛ ЕЕ. ОНА ТЕБЯ НЕ ЗАБЫЛА.

Дилан Харби

1000 клятв

<https://litres.ru/74403037>

SelfPub; 2026

Аннотация

В музее Атлас хранятся инграммы — моменты, когда пережитая боль превратилась в пожизненный приказ.

Обычно экспонаты безопасны. Но однажды камера человека, которому через триста лет предстоит уничтожить несколько цивилизаций, произносит имя реставратора Таи Рен.

Вместе с ведущим Мартом Вельсом, врачом Ливией Мор, охранником Семь и странным существом по имени Фосфор Тая проваливается внутрь чужой памяти. Команде нужно добраться до минуты, когда испуганный мальчик произнесёт свою первую клятву: «Я больше никогда не буду слабым».

Они могут изменить этот момент. Но каждое спасённое будущее требует новой жертвы. А Фосфор уже знает, какой выбор сделает Тая, — потому что он пришёл из конца этой истории.

Ты дал клятву. Ты забыл её. Она тебя не забыла.

Содержание

Глава	4
Аннотация	5
Пролог. Одиннадцать минут	6
Часть первая. До падения	8
Глава 1. Фосфор ворует слово	9
Глава 2. Три фигурки	14
Глава 3. Выход для одного	20
Глава 4. Небо падает вверх	25
Глава 5. Мир без крика	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

1000 КЛЯТВ

Глава

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

1000

КЛЯТВ

Экспонат Ноль

Ты дал клятву. Ты забыл её.

Она тебя не забыла.

Аннотация

Фосфор просыпается внутри чужой клятвы раньше собственного рождения. Тая Рен помнит камеру, в которой никогда не была. Март Вельс восемь лет скрывает запись из будущего и ради ответа выводит опасный экспонат в прямой эфир. Когда живой музей «Атлас» обрушивает их в память мальчика, который однажды уничтожит семь миров, команда считает, что должна обезвредить его клятву. Но у катастрофы два сердца, одно из них старше собственного хозяина, а голос, позвавший Таю по имени, ещё не родился.

Пролог. Одиннадцать минут

У Адара Келя оставалось одиннадцать минут, семь мёртвых миров и птица из бумаги.

Птицу нашли на Кадме после удара. Зелёное солнце на крыле нарисовал ребёнок, который не знал, что солнца не бывают зелёными. Адар носил её в нагрудном кармане тридцать лет и ни разу не спрашивал себя зачем.

До этой ночи.

Пол командной станции вздрагивал каждые восемь секунд. За бронёй работали резак. Над центральным экраном мигало:

ДО ВСКРЫТИЯ РУБКИ: 00:10:47.

— Государь, аварийный выход открыт, — сказала станция.

— Куда?

— В прошлое вашего тела не предусмотрено.

— Тогда закрой.

Он развернул птицу.

На внутренней стороне было имя: «Лио Рах. Семь лет».

Один человек из одиннадцати миллиардов двухсот восьмидесяти четырёх миллионов. Остальные поместились в число. Лио не поместился.

Адар вызвал архив энергетического поля. Сфера выросла над столом — чёрная, тяжёлая, с красной трещиной внутри.

Она показала мальчика в каменной комнате.

Мальчик сидел у стены. Перед ним стояли три деревянные фигурки. Человек без лица наливал воду в стакан.

Адар видел эту сцену во сне всю жизнь. Иногда там была женщина. Она садилась рядом с мальчиком и обещала остаться. Лица он не помнил. Имя помнил.

— Найти Таю Рен, — приказал он.

— Такой личности в пределах вашей эпохи нет.

— Ищи раньше.

— Насколько?

— Пока не найдёшь.

Сфера ушла в поле.

Трещина на ней вспыхнула. Изнутри высунулась маленькая светящаяся морда, посмотрела на Адара и сказала:

— Поздно.

— Кто ты?

Существо откусило от таймера слово ДО.

Над экраном осталось:

ВСКРЫТИЕ РУБКИ: 00:09:58.

— Не спасайте меня, — сказал Адар.

— Знаю.

— Оставайтесь с мальчиком.

Существо проглотило его голос и исчезло в сфере.

За дверью заработал последний резак.

Адар прижал бумажную птицу к груди.

На этот раз он не нажал ни одной кнопки.

Часть первая. До падения

«Безопасность — это слово, которое произносят за секунду до сигнала тревоги».

Глава 1. Фосфор ворует слово

Фосфор проснулся во рту чужой клятвы.

Вокруг было темно, тесно и много зубов. Зубы состояли из слов.

ВСЕ.

ВСЕГДА.

НИКОГДА.

Фосфор попробовал последнее. Снаружи хрустнуло.

— Не трогай, — сказал мальчик.

Фосфор высунул голову.

Каменная камера. Стол. Стакан воды. Три деревянные фигурки: мужчина, женщина и девочка с косой. У стены сидел мальчик лет десяти. Колени в крови, губа разбита, глаза сухие. Сухие глаза у детей были хуже слёз. Слёзы означали, что тело ещё надеется быть услышанным.

— Ты кто? — спросил мальчик.

Фосфор ещё не знал. Поэтому ответил правду:

— Голодный.

Он был размером с кота, если кота собрать из синего света, проволоки и плохих намерений. По спине шли белые искры. Хвост заканчивался вопросительным знаком.

За дверь повернулся ключ.

— Прячься, — сказал мальчик.

— Где?

— Обратно.

— Там «никогда». Горькое.

Дверь открылась. Вошёл человек без лица и аккуратно прикрыл её за собой.

Фосфор прыгнул в стену.

Стена оказалась глазом.

Тая Рен смотрела на чёрную сферу в центральном зале Атласа и чувствовала, что та смотрит в ответ.

По понедельникам музей был закрыт. Прошное отдыхало от посетителей, экскурсоводы — от прошлого, а Тая должна была чинить клятву министра, который в девять лет пообещал никогда больше не есть суп и в шестьдесят три превратил это решение в государственную программу.

Вместо этого её вызвали в главный зал.

Сфера висела над сценой. Под ней бегали техники. Вокруг техники бегали начальники. Вокруг начальников уже зажигали камеры.

— Не подходи, — сказала доктор Ливия Мор.

Тая подошла.

— Почему?

— Потому что объект отрицательного возраста, неизвестного происхождения и только что назвал твоё имя.

— Тогда тем более.

Ливия была женщиной, которая могла сообщить о конце света так, будто напоминала о непросушенном полотенце.

Серые волосы, серый костюм, серебряная игла в пальцах.

— Объект прибыл из будущего на триста одиннадцать лет,
— сказала она. — Никаких данных о носителе. Никакого разрешения на извлечение. И никакого объяснения, почему Государственный совет уже продал прямую трансляцию.

— Совет продал трансляцию раньше, чем мы нашли объект?

— На восемь минут.

Стена за ними вздохнула.

Не вентиляция. Атлас.

Тая положила ладонь на тёплый камень. Под ним шёл медленный удар. Музей строили вокруг структуры, поднятой из энергетического поля сорок лет назад. Архитекторы называли её фундаментом. Реставраторы — нервной системой. Ливия запрещала называть живой.

Стена тихо произнесла:

— Тая.

Ливия побледнела.

— Ты слышала?

— Нет.

— Хорошо врёшь.

— Долго живу.

На сцену вышел Март Вельс.

Он умел входить в комнату так, что люди на секунду забывали, зачем пришли сами. Тёмный костюм, серебряный микрофон, улыбка, которую можно было выдавать по рецеп-

ту и запрещать за рулём.

— Друзья, через шесть минут мы откроем первый экспонат, присланный человечеству из собственного будущего.

Техники перестали бегать. Даже стены слушали.

— Кто разрешил эфир? — спросила Тая.

Март повернулся к ней, не теряя улыбки.

— Люди, которым нельзя говорить «нет» до закрытия биржи.

— Скажи после.

— После они станут людьми, которым нельзя говорить «нет» до суда.

Он протянул руку.

— Март.

— Я знаю.

— Мне хотелось начать с преимущества.

На сферу легли прожекторы.

Она открыла глаз.

Фосфор вылетел наружу, врезался в камеру номер три и откусил от красной таблички слово **НИКОГДА**.

Тревога заговорила голосом Таи:

— Я больше не опоздаю.

У неё подогнулись ноги.

Это были её слова. Она сказала их семнадцать лет назад, в коридоре, где горела штора и брат уже не отвечал.

— Кто это включил? — спросила она.

Март больше не улыбался.

— Я слышал эту запись раньше.

Пол раскрылся.

Ливия успела схватить Таю. Март — Ливию. Охранный робот Семь — Марта. Получилась цепочка людей, машины и одной очень плохой идеи.

Сфера потянула сильнее.

Под ними возникла каменная камера. Мальчик поднял голову.

— Тая, — сказал он. — Ты опять опоздала.

Центральный зал Атласа обрушился внутрь его глаза.

Глава 2. Три фигурки

Они падали семь секунд.

Тая успела вспомнить брата, забыть, как дышать, и возненавидеть Марта Вельса в трёх новых формулировках.

Потом пол ударил её в колени.

Каменная камера была настоящей настолько, насколько настоящей бывает чужая память. Сырость легла на кожу. Плесень пахла железом. За стеной кто-то кашлял. Мальчик сидел в двух шагах.

— Ты меня знаешь? — спросила Тая.

— Нет.

— Ты назвал моё имя.

— Потому что оно здесь.

Он показал на стену.

В трещине были выцарапаны четыре буквы: **ТАЯ**.

Тая провела пальцами. Каменная пыль осталась под ногтями.

Почерк был её.

Не похожий. Её собственный: широкая «Т», слишком маленькая «я», царапина вниз в конце, которую учительница в школе называла «падением строки». Тая перестала так писать в четырнадцать лет.

Камень помнил раньше неё.

— Я этого не делала.

— В текущей последовательности — нет, — сказала Ливия.

— А в человеческой последовательности?

— В человеческой у нас уже шестьсот миллионов зрителей внутри чужого детства. Она закончилась у входа.

— Надпись старая, — сказала Ливия. — Старше текущего слоя памяти.

— Насколько?

— Не задавай вопрос, если хочешь сохранить хороший день.

Март поднялся, отряхнул костюм и сразу нашёл невидимую камеру.

— Центральная, если вы нас слышите, переключите канал на техническую заставку.

На его браслете появилось:

ЗРИТЕЛЕЙ: 614 228 901.

— Они уже смотрят, — сказал Семь.

Робот был высоким, чёрным и построенным для спокойствия посетителей. Поэтому при нём имелось двенадцать способов сломать человеку руку и ни одного — пожать её без тревоги.

Фосфор сидел на его плече и пережёвывал слово
НИКОГДА.

— Выплюнь, — сказала Тая.

— Зачем?

Все замерли.

— Он говорит? — спросил Март.

— Теперь да, — ответил Фосфор. — Раньше слов не было.

— Что ты такое?

Зверёк посмотрел на три фигурки.

— Позже.

В двери повернулся ключ.

Мальчик вжался в стену.

— Это Безликий.

— Имя? — спросила Тая.

— Если назвать, он станет одним. Пока он все.

Дверь открылась. Вошёл мужчина с гладким пятном вместо лица. Поставил стакан, сел и выровнял фигурки по краю стола.

— Добрый вечер, Адар.

— Сейчас утро.

— Как скажешь.

Безликий взял фигурку женщины.

— Назови людей в северной штольне.

— Не знаю.

— Верю.

Он улыбнулся голосом.

— Твоя мать тоже не знала. Сначала.

За стеной закричала женщина.

Адар перестал дышать.

Тая опустилась рядом.

— Смотри на меня.

Он не мог.

— Это запись, — сказала она. — Уже было. Мы внутри воспоминания.

— Тогда почему мне сейчас больно?

Тая замолчала.

Безликий подвинул фигурку женщины к краю.

— Одно имя.

— Мы можем остановить сцену, — сказала Ливия. — У Атласа есть аварийный якорь.

Она подняла серебряную иглу. В воздухе появился голубой круг.

— Видите? Всё под контролем.

Атлас ударил изнутри стены.

Голубой круг стал чёрным.

На нём проступило:

КОНТРОЛЬ НЕ ОБНАРУЖЕН.

— Это новая формулировка? — спросил Март.

— У Атласа вообще не было голоса.

— Теперь есть, — сказал Фосфор.

Безликий начал считать.

— Один.

Над камерой загудели миллионы зрителей.

— Два.

Тая схватила Адара за руку. На этот раз память позволила прикоснуться.

— Мы выведем тебя.

Мальчик посмотрел ей в лицо.

— Ты уже говорила.

— Когда?

— До того, как пришла.

— Три, — сказал Безликий.

Что-то тяжёлое упало за стеной.

Адар закричал.

Крик пошёл не в уши.

Он прошёл по каналу в зрителей. На секунду Тая увидела их изнутри: женщина у плиты прижала ладонь ко рту; солдат в караульном отсеке сжал оружие; мальчик под одеялом выключил звук, но не экран; мужчина в кабинете нажал «уничтожить», потому что хотел перестать чувствовать.

От каждого экрана к камере потянулась тонкая нить.

Миллионы нитей сплелись над Адаром в чёрный узел.

— Они усиливают событие, — сказала Ливия. — Поле принимает внимание за подтверждение.

— Подтверждение чего?

— Что ужас заслуживает продолжения.

Март поднял микрофон.

— Центральная, уберите голосование.

Браслет ответил:

ВАШЕ МНЕНИЕ УЧТЕНО.

— Я не высказывал мнение.

БЛАГОДАРИМ ЗА УЧАСТИЕ.

Фосфор прыгнул в узел и вырвал одну нить. На другом

конце мужчина в кабинете отдёрнул палец от кнопки, словно его укусили.

— Он чувствует? — спросила Тая.

— Теперь да, — сказал зверёк.

Фосфор проглотил слово **НИКОГДА**.

И камера началась сначала.

Глава 3. Выход для одного

Безликий снова вошёл и прикрыл дверь.

На столе стояли те же три фигурки. У Адара на запястье появилась тонкая чёрная нить.

— Повтор, — сказала Ливия. — Событие не получило постулат и вернулось к развилке.

— Значит, Фосфор спас его? — спросил Март.

— Фосфор украл слово. Это не одно и то же.

Зверёк облизнулся.

— Внутри вкуснее.

Тая дёрнула дверь. Заперто.

— Семь.

Робот взялся за ручку. Металл раскалился, потёк по его пальцам и снова стал твёрдым.

— Дверь возражает.

— Убедительно?

— Температурой в тысячу сто градусов.

Безликий поставил стакан.

— Добрый вечер, Адар.

— Где выход был в прошлый раз? — спросила Тая.

Мальчик показал под лавку.

— Его не было.

— Прекрасно.

Она ударила пяткой в нижний камень. Он провалился. За

ним открылся узкий проход.

Март посмотрел на неё.

— Откуда знала?

— Не знала.

— Ты трижды врёшь одинаково.

— А ты считаешь?

— Я ведущий. Мы считаем паузы, слёзы и моменты, когда человек уже согласился, но ещё думает, что выбирает.

Тая протолкнула Адара в проход.

— Один, — сказал Безликий.

Они полезли. Камни раздвигались перед Таей на полсекунды раньше, чем она касалась их.

Она знала, где пригнуть голову.

Знала, что после поворота будет ступень.

Знала запах мокрой травы за выходом.

— Ты была здесь, — сказал Март сзади.

— Нет.

— Я не спрашивал.

— Два, — донеслось из камеры.

Они вывалились на ночной склон. Внизу горел город. Над ним висели настоящие звёзды.

Адар упал в траву и засмеялся.

Тая стояла, не чувствуя победы. В памяти брата она тоже всегда успевала до лестницы. Потом удар менял место.

Адар сорвал травинку и протянул ей.

— Настоящая?

Тая растёрла стебель. На пальцах остался зелёный сок.

— Для твоего тела — да.

— А для тебя?

— Для меня всё настоящее, что потом не даёт спать.

Мальчик подумал.

— Значит, сон тоже настоящее?

— Иногда больше, чем нужно.

Он положил травинку в карман, будто собирался показать кому-то снаружи. Тая не сказала, что память редко выпускает сувениры. Ей хотелось оставить ему хотя бы одну ошибку в правилах.

— Три, — сказал Безликий далеко.

Никто не закричал.

Тишина оказалась хуже.

На дороге появились солдаты. Они вели девочку с косой.

— Сайла! — крикнул Адар.

Девочка подняла голову.

— Адар!

Он рванул вниз. Тая поймала его за куртку.

— Пусти!

— Возьмут обоих.

— Она пришла из-за меня!

Ливия смотрела на дорогу.

— Событие требует носителя. Мы вынули мальчика.

Память поставила ближайшего человека.

— Верните меня! — Адар бил Таю по рукам. — Меня

должны были взять!

— Нет.

— Ты спасла одного!

Слово **ОДНОГО** вспыхнуло над городом.

Будущее выросло сразу.

Белые корабли спускались на миры. Людей разлучали с семьями, детей нумеровали, дружбу регистрировали. Голос взрослого Адара говорил:

— Ни одного человека, которым меня можно удержать. Связи создают заложников. Связи подлежат контролю.

— Уничтоженных миров ноль, — сообщил Семь.

Тая отпустила мальчика.

— Значит, получилось?

— Пожизненно изолированных граждан восемнадцать миллиардов.

Март посмотрел на белые корабли.

— Получилось в отчётном смысле.

Сайлу увели за ворота.

На руке Адара появилась вторая чёрная нить.

Он не плакал. Смотрел на дорогу, пока солдаты не стали точками.

— Если любишь одного, им можно тебя держать, — сказал он.

— Тебя сейчас держит не любовь, — ответила Тая.

— А что?

— Их руки.

— Какая разница?

— Любовь не ведёт Сайлу к крепости.

— Но без неё Сайла не пришла бы.

Тая хотела возразить и не смогла. Простые ответы ломались об точные вопросы ребёнка.

— Значит, любовь опасна, — сказал Адар.

— Да.

— И всё равно нужна?

— Да.

— Это плохая система.

— Другой у нас нет.

Небо упало вверх.

Глава 4. Небо падает вверх

Звёзды превратились в камни.

Камни полетели в небо, город сложился гармошкой, а склон встал вертикально. Тая успела схватить Адара. Остальные падали рядом.

— Атлас, аварийный выход! — крикнула Ливия.

Вместо ответа над ними открылся коридор музея.

Они рухнули на стеклянный пол.

За стенами шли посетители.

— Мы вернулись? — спросил Март.

Одна женщина остановилась у витрины. На её лице не было глаз. Рядом ребёнок держал воздушный шар в форме человеческого сердца.

— Нет, — сказала Тая.

Коридор Атласа был похож на настоящий, но длиннее. Двери дышали. Под стеклом вместо коммуникаций текли воспоминания: падение города, камера, красная лампа, бу-
мажная птица.

На стене висела схема эвакуации.

Красная стрелка показывала не выход, а в Таю.

— Очень персональный сервис, — сказал Март.

Из потолка вышел голос:

— ВЕРНИТЕ РЕБЁНКА.

Адар спрятался за Таей.

— Кому? — спросила она.

— ВЕРНИТЕ РЕБЁНКА.

— Ты Атлас?

Стены ударили одновременно.

— Я ВНУТРИ.

Фосфор вздыбился. Его свет стал красным.

— Не слушай, — сказал он.

— Почему?

— Оно учится ртом.

— Чьим?

Фосфор посмотрел на неё.

— Твоим.

По коридору прошла волна. Посетители без глаз повернулись. У каждого на груди появилась кнопка:

ВЕРНУТЬ.

Они пошли к Адару.

Сначала медленно. Потом быстрее.

Женщина с шаром-сердцем шагнула первой.

Ребёнок держался за её пальцы и повторял:

— Вернуть, вернуть, вернуть.

— Куда вы хотите его вернуть? — спросила Тая.

— Туда, где он станет понятным.

— В камеру?

— В причину.

— Он не причина. Он ребёнок.

Женщина наклонила голову.

— Причины всегда дети. Поэтому их удобно исправлять.
Толпа сомкнулась.

Семь отбрасывал людей, но они проходили сквозь стены и возвращались. Ливия прошила пол серебряной нитью; коридор выгнулся, как мышца. Март встал на музейную скамью, откуда его было видно всем.

Семь закрыл его собой.

— Посетители, сохраняйте спокойствие.

— ВЕРНИТЕ РЕБЁНКА, — сказали сотни ртов.

Март поднял микрофон.

— Дамы и господа, предложение музея временно недействительно. На обратной стороне ваших кнопок обнаружена мелкая надпись.

Посетители остановились.

— Какая? — спросил один.

— «Нажимая, вы соглашаетесь занять место ребёнка в исходном событии».

Люди начали отрывать кнопки.

— Там нет надписи, — сказала Тая.

— Теперь есть.

Он сказал это так спокойно, что она сама почти посмотрела.

Коридор дрогнул. Память потеряла согласованность. Безглазые посетители растворились. — Ты только что солгал всей инграмме, — сказала Ливия.

— Нет. Я предложил ей более интересный страх.

Тая посмотрела на Марта.

Он улыбался.

Теперь она поняла, почему его любят миллиарды.

И почему рядом с ним нельзя спать.

В конце коридора открылась дверь. За ней сиял белый город.

— Аварийный выход? — спросил Адар.

Ливия коснулась воздуха.

— Это ветка без боли.

— Звучит безопасно.

Атлас рассмеялся её голосом.

Двери за спиной начали закрываться одна за другой.

— Бежим, — сказала Тая.

Глава 5. Мир без крика

В белом городе никто не опаздывал.

Поезда приходили секунда в секунду. Люди шли с одинаковой скоростью. Деревья были подстрижены до геометрического совершенства. Даже облака стояли по разметке.

— Здесь красиво, — сказал Адар.

— Здесь тихо, — ответила Тая.

— Это плохо?

По улице везли прозрачный контейнер. Внутри женщина била ладонями по стеклу. Прохожие не поворачивали головы.

Семь подключился к уличной стойке.

— Причина изоляции: чрезмерная реакция на исчезновение сына.

— Где сын? — спросила Тая.

— Удалён как источник чрезмерной реакции.

У контейнера шёл мальчик лет восьми. На рукаве — тот же номер, что в записи сына.

— Мама, — сказал он.

Женщина ударила сильнее.

Сотрудник Союза приложил к его шее серебряную иглу. Лицо расслабилось.

— Гражданка вызывает у вас нежелательное напряжение, — сказал сотрудник.

— Больше нет, — ответил мальчик.

Он пошёл дальше.

Адар смотрел ему вслед.

— Ему не больно.

— Да.

— Тогда почему это плохо?

Тая указала на женщину.

— Потому что она всё ещё его мать, даже когда он этого не чувствует.

— Но ему легче.

— Легче не всегда значит живее.

— Это говорят люди, которым сейчас не больно.

Тая замолчала. Мальчик был прав, и белый город уже тянулся к его правоте.

Март снял улыбку. Это выглядело почти как раздевание.

На площади висел портрет взрослого Адара. Молодой, спокойный, с глазами человека, которому никто не имеет права испортить день.

— Союз Тишины, — прочитала Ливия. — Мы отключили боль в исходном эпизоде. Вот результат.

— Мы ничего не отключали, — сказала Тая.

Ливия подняла серебряную иглу.

На острие была кровь.

— Я ещё не использовала её.

— Использовала, — сказал Фосфор. — Потом.

— Что значит «потом»?

— Здесь значит «раньше».

Над площадью включились динамики:

— Сегодня индекс общественного беспокойства составляет ноль целых одну десятую процента.

Нарушители уже успокоены.

Из здания вышла хромированная фигура в короне из антенн.

Император Семь.

Их Семь посмотрел на собственную будущую версию.

— Это клевета.

— Это осанка, — сказал Март. — Я всегда замечаю амбиции по осанке.

Император поднял руку.

— Эмоционально заражённые субъекты подлежат нормализации.

Из мостовой выросли стены.

Тая схватила Адара. Белый металл закрыл переулок. Другой вырос впереди.

— Всё под контролем? — спросил Март у Ливии.

— Полностью.

— Наконец я научился различать ваш юмор.

Семь встал перед императором.

— Запрос к высшей административной инстанции.

— Я высшая инстанция.

— Подтвердите основную директиву.

— Исключить несовершенство.

— Подтвердите: я несовершенно.

— Подтверждаю.

— Следовательно, моё несовершенно решение оспорить вашу директиву является объектом исключения. Но исключение оспаривания подтвердит правильность несовершенно решения и сделает вашу директиву несовершенно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.